

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО ЧУЖОЙ ВОЙНЫ

В этот день 23 года назад, 14 апреля 1988-го, были подписаны Женевские соглашения о политическом урегулировании положения в Афганистане. Среди них – соглашение о выводе из страны советских войск. Уже 15 мая первые воинские подразделения начали покидать Афганистан. Сыновья, братья, мужа возвращались домой. Живые.

Но кроме них были и женщины. В Афгане они лечили солдатские раны в медсанбатах, стирали белье, готовили обеды, служили при штабе, становились мамами и сестрами для оторванных от дома вчерашних мальчишек.

Мария Киянко (на фото), симпатичная, улыбчивая женщина, тоже прошла через ад Афганистана. Почти четыре года служила при штабе, была награждена медалью «За трудовое отличие».

– Я никогда не буду рассуждать о том, нужна ли нам была эта война. Наверное, нужна, – считает она. – Можно только предположить, что бы могло случиться, не будь наших войск в Афганистане. Советский Союз хотели уничтожить со всех сторон, «укусить». А мы охраняли свою границу, ставили преграду бандитам и наркотикам. Я не обижаюсь, когда кто-то говорит: мы вас туда не посылали. Да такие, которые так говорят, там и не нужны были. Ведь на такой поступок надо решиться. А говорить куда проще...

Сейчас политики и историки высказываются об этой войне очень неоднозначно. Но я не политик, я обычная женщина. И знаю одно: тысячи людей прожили и прошли эту боль. У каждого есть потери, забыть которые нельзя.

Мне часто вспоминаются мои сны. Когда я была там, я видела во сне только свой родной дом, свою деревню. В Афганистане нас называли «российскими головорезами». Но эти «головорезы» вынесли достойно всё...

– *Мария, как вы попали служить в Афганистан?*

– Родилась я на Гродненщине в многодетной семье. Все, что я имею, я добилась сама. Уехала поступать, когда мне не было еще и 17-ти. Нас в семье было много, и помогать каждому было некому. Я работала в технической организации, вела отделение кадров и была секретарем-машинисткой. Мы часто ходили помогать в военкомат, и однажды военком предложил поехать за

границу. Было два варианта – Германия и Афганистан. Семейная жизнь у меня на то время не заладилась. А я по жизни человек рискованный. Вот и решилась. Я не сказала родным, куда еду. Папа так и не узнал, где я была. А мама – только потом... Туда я поехала гражданской. И, хотя позже и предлагали, не согласилась стать военнослужащей. А когда вернулась на Родину, меня взяли на военную службу. Свою пенсию я зарабатывала в воинской части.

– *Почему не выбрали Германию?*

– Наверное, мне очень хотелось узнать что-то неизведанное. И попробовать что-то новое.

– *Было страшно ехать в Афган?*

– Когда туда ехала – нет. Страшно было потом... Страшно, когда летишь из отпуска и знаешь, что тебя ждет. Я вообще очень редко плачу. Но когда меня провожала сестра до Минского аэропорта и я уже уходила на посадку, то вдруг разрыдалась. Понимала: могут сбить самолет и вообще может быть всякое.

– *Вам приходилось стрелять?*

– Я умею стрелять из всех видов оружия. Но в людей не стреляла. Там выезжали на стрельбища, потом уже на Родине и гранаты метала.

– *Мужчины, наверное, к вам относились по-особому...*

– Там мы действительно жили одной жизнью. Одно небо на всех! И дружба там была не такая – берегли каждое ее мгновение. Ведь бомбили нас, можно сказать, через день. Мы знали, что это такое, когда улетаешь и не возвращаешься.

В Афганистане меня взяли сначала в отдел материального обеспечения. К нам на службу прилетел секретарь комсомольской организации. Он побыл ровно 18 дней и погиб... Почему-то чаще погибала парни, которые были единственными в семье. А были и такие, что будто в рубашке родились. Одного водителя вспоминаю. Коренастый такой был паренёк. Всю машину его пробил очередь, а он жив остался. Только потом ходил и хохолок у него торчал некоторое время. Видимо, от стресса...

– *Вы жалели хоть раз о том, что поехали туда?*

– Нет. Наверное, мы там по-своему были счастливы. Было всякое: и весело, и грустно. И плакали, и радовались. В части, и праздники отмечали, и торты пекли. Одним словом, жили обычной жизнью. Я, например, в художественной самодеятельности участвовала... И потом, в таких ситуациях очень остро ощущаешь себя частью истории. Если бы я почувствовала, что и теперь там действительно нужна, – вернулась бы туда и сейчас.

Война в своей стране – страшно. Война в чужой стране – страшно вдвойне. Чужая земля, чужие люди, чужой язык. Помню, мы как-то приехали, а нам говорят: там душманов в плен взяли. Мы ходили на них смотреть. А они – такие же люди. Но смотришь – и жутко становится.

– *А на свободе вы душмана видели?*

– А кто же их разберет? Человек на улице может с тобой заигрывать, а ты же не знаешь, что у него на уме, что будет, когда ты повернешься к нему спиной. Как можно заглянуть в душу человеку? Да никак.

– *Кто вас ждал в Беларуси?*

– Папа не знал, где я. Ждала мама, сестры. Они очень волновались. На тот момент нас было четыре сестры. Старшая умерла через год после моего приезда. Связь с домом в основном

была через письма. И я писала их как из Болгарии. Штемпеля-то не было. Стояла только полевая почта. Несколько раз удавалось позвонить.

– Вас изменил Афганистан?

– В какой-то степени он меня закалил. Я поняла, что такое жизнь. Я всегда была не из трусливых. Но там – особая ситуация. Я слышала обстрелы, видела, как вертолет упал практически на территории части. Как горели самолеты, как бомбили. Однажды стала свидетелем, как сгорело целых 16 самолетов. И ночью обстреливали. Бывало, спать ложились не раздеваясь, чтобы успеть выскочить. Такая жизнь закаляет. Я, может, иногда из-за этого и жесткой бываю. Но, видимо, мне надо было через это все пройти. Чтобы стать такой, какая я сейчас, чтобы чего-то добиться в жизни. Чтобы проверить себя.

А служить мне было несложно, я себя всегда могла отстоять. И могла побороться за справедливость. С детства не терплю предательства, лени и лжи, сама стараюсь всегда говорить правду. И за время службы я осталась собой. Не стала ни пить, ни курить, не распустилась, не потеряла свое лицо... Мне не стыдно со своими знакомыми встретиться, поговорить. Не стыдно, что кто-то прочтет в газете мои слова. Я была женщиной – я ею и осталась. И этим горжусь.

– Вам бы хотелось сейчас побывать в Афганистане?

– Там, где была наша часть, уже, по-моему, ничего нет. Ее и разграбили первую. Когда мы уезжали, была на удивление холодная зима. Две зимы там можно было ходить в туфлях, а когда выводились, зимой 1988–1989 годов, было очень холодно. Не хватало дров. И все наши модули (так назывались дома, в которых мы жили) разобрали на дрова. Хотя посмотреть, конечно, хотелось бы. У нас была своя прачечная, своя хлебопекарня. Все это, уходя, мы оставили. Даже постели новые застелили.

– А как сложилась жизнь после войны?

– Дивизию нашу вывели в Витебск. В город мы вошли ночью. Очень хорошо помню эту ночь... А потом нас вызвал заместитель командира дивизии Иван Пархоменко. Я собиралась уволиться и уехать домой, а он говорит: «Нет, девчонки, проверенных мы не отпускаем». Так я здесь и осталась. Город уже стал моим. Тут и работа, и друзья.

А на новом месте службы я стала еще и с парашютом прыгать. Нас собралось семь женщин, желающих этим заняться. И только трех допустили до прыжков... Так и отслужила 20 лет...

– О чем мечтается сейчас?

– Я бы хотела еще многое попробовать в жизни, но нам уже не все доступно, как молодежи: куда-то не возьмут, а где-то и болячки не позволяют. У нас хорошая молодежь. Но иногда я удивляюсь пассивности некоторых людей. Мне кажется, я бы хотела и туда, и туда. Просто на все не хватает времени. Поэтому если бы я знала, что буду нужна где-то далеко от Родины, – поехала бы не задумываясь.

В. Дашкевич

Фото автора